

МАРИ СА

Я не

ПОЗВОЛЮ

Мари Са
Я не позволю

«Автор»

2024

Мари Са

Я не позволю / Мари Са — «Автор», 2024

- Мама, мама, кто этот дядя? - тянет ручки Анята. Я поднимаю голову и окунаюсь в пепельный водоворот глаз. Ненавижу их. Люблю до сих пор. - Давид, - представляется мужчина, не отрывая взгляда от ребенка. А мое сердце холодеет. Догадался? Понял? Только не это? - А кто вы такой? - не унимается дочка. - Я очень хороший «друг» твоей мамы. Ловит мою горькую усмешку на слове «друг». А я вздрагиваю, настолько знакомо и пугает его выражение. - Пойдем дочка, - тяну ее подальше, как можно дальше от этого страшного мужчины, - нам пора. - Еще увидимся, О-ле-ся! Слова, как выстрел в спину. Но я даже не оборачиваюсь. Незачем нам больше видеться. Все в прошлом. Он в прошлом. Он мое прошлое. Тот кто предал. Наши пути давно разошлись. И только одно до сих пор связывает нас. Наша маленькая дочь. Но он никогда об этом не узнает. Я не позволю.

© Мари Са, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мари Са

Я не позволю

Глава 1

– *О-ле-ся! Звезда моя!*

Я поддаюсь. Прогибаюсь под его ласками. Ощущаю его тепло каждой клеточкой своего организма. А потом просыпаюсь. Резко. Болезненно. Словно головой с разбега об лед. Дышу тяжело. А вокруг уже ручки шарят. Другие. Маленькие.

– Мама! Мама! Ты провснулась?

Обнимаю дочку. Целую. В глазки ее заглядываю. Они такие же, как у папочки. И ямочка эта на щечке. Только одна. Видна при ее улыбке. Давид очень редко улыбался. А вот мой маленький комочек света улыбается даже незнакомцам в автобусе. Но он никогда об этом не узнает.

Сильнее дочь к себе прижимаю.

– Зайчик мой! Ты что так рано? Мама еще поспать хочет.

– Но солнышко уже встало.

Пытаюсь сообразить. Моргаю. И понимаю, что проспала. Будильник то ли включить забыла на телефоне. То ли он сам не сработал. Подрываюсь и начинаю лихорадочно собираться. Заталкиваю дочь в комбинезон. Такси вызываю. Дорого, конечно. Но на автобусе просто не успею.

Закидываю Анюту в сад. Воспитатель ворчит, как обычно. Я ей видите ли всю дисциплину порчу. Как будто я одна опаздываю. Но злость она каждый раз срывает именно на мне. И приходится прилагать усилия, чтобы не думать – это потому что я мать-одиночка. Наверняка не так. Наверняка я просто мнительная.

Научилась всех людей подозревать. А как иначе после того, что было. Когда обманул самый любимый и дорогой на свете человек. Предал. Втоптал все чувства в грязь. Как после этого можно снова научиться верить людям?

– И чтобы подобного больше не повторялось, Олеся Тимофеевна.

Молча киваю. Улыбаюсь. Терплю все ее нападки. Ведь оставляю этой женщине своего ребенка. Разве мне выгодно иметь в ее лице врага? Обнимаюсь с крошкой, которая тут же бежит в группу. Давно бы перевела, но здесь у Анюты друзья. Мальчики правда.

Удивительно, но моя крошка сошлась с двумя парнями. Один с виду будущий бандит. И отец у него такой же. Видела пару раз. Пугающий бугай с бородой. Но может это мои личные стереотипы. И все не так. Возможно, он музыкант или даже работник театра. Ну, мало ли?

А вот второй мальчик мне нравится. Тихий и спокойный. Никого не задирает. А к Ане относится, как к настоящей принцессе. Да и родители под стать. Мама учителем в школе работает. А отец преподает в институте. Настоящая интеллигентная семья.

Впрочем, какая разница. Мне же не свататься к ним. Вряд ли эта детская дружба долго продержится.

На собеседование прибегаю в последнюю минуту. Эта первая престижная работа, на которую я решила устроиться. До этого выручали подработки и места со свободным графиком. Но Анюта наконец перестала так часто болеть, и вот я здесь.

Высотное здание. Современный офис. И хороший оклад. С которого я наконец смогу откладывать на свое жилье. Смогу взять ипотеку. И больше нам с Аней не придется ютиться по съемным квартирам. Разве это не счастье? Наконец-то и у нас начнется светлая полоса в жизни. Мы это заслужили!

Парю на крыльях, когда вхожу в просторный холл.

– Здравствуйте! Я Соколенко Олеся Тимофеевна. Мне назначено на сегодня на 9 утра 404 кабинет.

Мужчина средних лет оглядывает с ног до головы. Этакая смесь охранника и администратора. Проверяет протянутые документы. Выписывает временный пропуск.

– Прямо и налево. Лифт. Четвертый этаж.

– Спасибо!

Стучу невысокими каблукками по гладкому мраморному полу. Жму кнопку лифта. Жду. Захожу, когда блестящие двери разъезжаются. Выбираю нужный этаж, как вдруг внезапный окрик заставляет сердце в груди перевернуться:

– Подождите!

Но я не шевелюсь. Даже кнопку открытия двери не нажимаю. Наоборот. Хочется, чтобы двери поскорее захлопнулись. Отделили меня от этого страшного голоса. Голоса, который до сих пор преследует во снах.

Но он успевает. Мужчина заскакивает в лифт на последних секундах. Бросает на меня укоризненный взгляд, а я прикрываюсь волосами. Они темные. Совсем другого цвета. Не такие как в прошлом. Да и я не такая. Правда ведь?

Молча разглядываю носки мужских ботинок. Чистые, блестящие. Он всегда любил аккуратность. Требовал ее во всем. Не только от себя, но и от своих подчиненных. Но, возможно, я просто ошиблась. Ведь не бывает таких совпадений. Не может мой бывший любовник сейчас оказаться здесь. Просто голос похож. Если он произнесет еще что-то наверняка моя иллюзия рассыпится.

Мужчина подозрительно молчит. А мне от чего-то кажется, что он меня сейчас разглядывает. Щеки мгновенно румянец заливают. И чувство такое знакомое внутри зарождается. Предвестник моей беды.

– Почему вы не задержали лифт? Я же просил подождать!

Все тело током прошивает. Колкие искры жалят сильнее укусов. И я понимаю – мне не померещилось. Ведь этот голос я узнаю из миллиона.

Давид. Моя нечаянная любовь. Моя непрошенная боль. Отец моей дочери.

Глава 2

Он встает рядом. Мужчина из моих самых жарких снов. Мужчина из моих самых страшных кошмаров. Скрываюсь за темным пологом волос. Теперь я брюнетка с пышными формами. А Давид помнит меня худенькой светловолосой девушкой. Боявшейся лишней раз глаз на него поднять. Сказать слово против.

Мне казалось, все забылось, как давний сон. Но тело до сих пор помнит, похоже. И я впадаю в ступор несмотря на то, что столько воды утекло. Несмотря на то, что я теперь совсем другая. Несмотря на то, что с этим мужчиной меня больше ничего не связывает.

– Какой вам этаж?

Голос, продирающий до дрожи. А мой совсем пропал. Но нужно ответить. Иначе он заподозрит неладное.

– Четвертый... – сиплю и ловлю на себе внимательный взгляд.

Мамочки! Только не это? Зачем он смотрит. Жал бы просто на кнопки.

– Простите, мы знакомы? Может виделись раньше?

Нет! Хочется крикнуть! Сбежать. Но куда сбежишь из лифта, движущегося между этажами. Не застрять бы.

– Это вряд ли. Я здесь впервые.

– Может не здесь? Может...

Он резко замолкает. Ноздри орлиного носа раздуваются, словно он воздух с силой втягивает. А я сжимаю в руках пропуск, который мне на посту охраны выдали. Прикидываю, как быстро смогу бежать, когда двери лифта откроются. Смогу ли быстро сориентироваться в незнакомом здании. Найти лестницу. Попробовать...

– Да. Действительно. Вы правы. Мы вряд ли когда-то виделись.

Он тут же теряет ко мне интерес. И лишь на секунду мне кажется, что в грубом мужском голосе проскальзывают оттенки эмоций. Заполняют и без того тесное пространство лифта. Проникают внутрь меня. Разжигают давно потухшее пламя.

Двери расползаются, и я выхожу. Буквально вываливаюсь наружу. Смешно перебираю ногами. Хорошо каблук невысокие. Иначе давно бы уже валялась на гладком коварном полу. А мой бывший, к счастью, едет дальше. И это подарок судьбы. Знак, что все будет хорошо. Меня не узнали. И я радоваться должна. Но почему же так хочется плакать? Ведь он меня не узнал...

Даю себе пару секунд передышки. Глубоко вдыхаю воздух, наполненный прохладой кондиционеров, в котором больше не чувствуется ненавистный запах мужских духов. Таких знакомых. Таких любимых.

Он не изменил себе и до сих пор сохраняет свои привычки. А ведь столько лет прошло. Но разве я не такая же. Разве не продолжаю намыливать в душе гелем с ароматом лайма и ванили. Даже крем для тела с точно таким же ароматом. Разве я не жалкая?

Прикрываю глаза и разрешаю паре слезинок скатиться из уголков глаз. Но на этом все. Дальше холодная решимость. Дальше только расчет. Выгодный для меня. Меня и моей дочки. И никакой мужчина на свете больше не сможет навредить нам.

В первую очередь хочу понять. Что он здесь делает? Что забыл великий Давид Сулейманов в этой компании? Он тут работает? Но эта фирма никак не связана с их семейством. Я проверяла в интернете. Перерыла все доступные источники. Подстраховалась, так сказать. Натолкнуться на отца собственного ребенка последнее, о чем мечтаю.

Владелец «Северной звезды» – туристической фирмы для нестандартных видов отдыха, вообще женщина. И фамилия у нее другая. Яна Сергеевна Волкова. Поэтому здесь он, скорее всего, по делам. Либо приехал оформить тур для себя или своей... жены.

Да. Давид женился. Я это знаю. Было время, и вся лента новостей пестрила заголовками о том, как породнились две из самых крупных империи. Очень выгодный брак. Буквально сделка века. А я тогда скулила по ночам и прятала слезы в подушку. Гладила уже большой животик, в котором росла наша с ним дочка. И понимала, что потерянная любовь не вернется ко мне никогда.

И вот такая встреча, как сегодня, это не знак вовсе. Это предупреждение. Ведь как оказалось. Ничто не забыто. И тело, и душа мои все еще помнят сладость сильных мужских рук. Горечь не произнесенных признаний.

«Мне не нужны дети, Олеся. Я их никогда не хотел.»

Последние слова Давида, как выстрел в упор. Ведь я точно знаю – его жена ждет ребенка. Выходит только моих детей он не хотел. Только я ему была не нужна.

Сжимаю кулаки до боли. Хочется колотить ими об стену и опять скулить как раненное животное. Но вместо этого я беру себя за шкуру и иду в нужный кабинет. Все в прошлом. Нас больше нет. Он выбрал свой путь. А мы с Анютой... Мы с ней больше в нем не нуждаемся. О нашем с ней будущем я позабочусь сама.

Глава 3

– Олеся Тимофеевна! Ваши работы нас впечатлили. Вы правда самоучка? Даже онлайн курсы не оканчивали?

Гляжу на женщину перед собой. Маленькая. Молодая. Даже тридцати нет. И очень красивая. Ухоженная вся от кончиков тонких ногтей до густой копны светлых с окрасом волос. А еще невероятно счастливая. Это видно по улыбке, пробивающейся сквозь маску офисной строгости.

– Да. Сама во всем разбиралась. Раньше работала удаленно. Ну, знаете, с маленьким ребенком сложно найти место в офисе. Дети постоянно болеют.

Захлопываю рот. С чего это я так разоткровенничалась? Обычно из меня слова клещами не вытянешь. С рождения Анюты многое поменялось. Я поменялась. Нет больше той беззаботной Олеси. И ко всему теперь я отношусь с осторожностью. Особенно к людям.

– Прекрасно вас понимаю, – подхватывает Яна Сергеевна, – сама очень долго не могла выйти на постоянную работу. Сколько вашей?

– Почти пять.

Невольно улыбаюсь при мыслях о дочери. Как она там? Надеюсь, никто не обижает в саду. Впрочем, с такими защитниками можно не беспокоиться. Они и себя в обиду не дадут и свою маленькую порой нахальную подружку.

– Моей Алиске столько же. Та еще егоза. Здорово было бы их познакомить.

Я немного теряюсь. Потому что, во-первых, Яна Сергеевна, возможно, моя будущая начальница. Даже удивительно, что собеседование сама проводит, а не доверяет эту рутинную работу какому-нибудь эйчару. А, во-вторых, меня и на работу то еще не взяли. Только похвалили эскизы заказчиков за последний год.

Работы и правда красивые. Мне самой нравятся. Ведь я в них всю душу вложила. Всегда знала, что должность секретаря не для меня. А вот роль графического дизайнера будто специально по мне подобрана.

Случайно на эту работу натолкнулась. Когда Анюта свалилась с очередной простудой. А меня поперли с очередной подработкой. Ибо никакому начальнику не понравится, когда сотрудник приходит на работу семь дней из тридцати.

– Значит, говорите, никаких курсов и даже онлайн. Хм... Скажу честно, Олеся. Ваши работы мне очень понравились, но...

Я замираю, потому что в этом «но» вся горечь моих разбивающихся надежд. Понимаю, что собеседование провалено. Хотя, на что надеялась? Брать на работу в фирму подобной этой таких новичков как я чистое безумие. Уже подарок судьбы побывать на столь крупном собеседовании. Опыт бесценный для меня сейчас. Моя маленькая победа.

Ничего. Ведь это не конец света. Попробую устроиться в другое место. Не такое крупное. Не такое шикарное. Куда-нибудь да возьмут. За прошедшие несколько лет лучше всего я научилась одному: не сдаваться.

Не сдаваться, когда Анюта болеет ангиной, а у меня нет денег даже на лекарства. На пачку чертовых, но таких дорогих антибиотиков. Потому что дешевые не помогают.

Не сдаваться, когда очередной родитель высказывает свое «фу», потому что я не смогла сдать деньги на новогодний подарок для сада.

Не сдаваться, когда дочь просит у деда Мороза красивый графический планшет. А я понимаю, что не смогу его купить. Придумываю сто тысяч пятьсот причин почему дедушка Мороз не привезет столь долгожданный подарок с Северного полюса.

Собираюсь уже встать и направиться к выходу. Не забыв при этом поблагодарить эту красивую девушку, что уделила мне свое безусловно дорогое время.

Но она поднимает трубку, морщится и отвечает:

– Что ты хотел? Я на работе между прочим!.. Да. Как узнал?

Скользит по мне взглядом, и я напрягаюсь. Будто речь по телефону сейчас обо мне идет. Только все это бред. У меня нет никаких связей. Никто не замолвит за меня словечко. Правда ведь?

– Да. Я поняла. Но ты мне должен будешь... Ага. И с Алисой завтра посидишь!

Яна хохочет и отключается. Снова поднимает на меня свои глаза. И мне, наверно, только кажется, будто в них меняется что-то. Деловая хватка на скрываемую заинтересованность. Сочувствие. Но с чего бы? Я просто мнительная очень. Потому что нет никаких причин. И для особого отношения я не подходящая кандидатура.

– Так вот, Олеся... Можно на «ты», думаю?

– Конечно, – киваю поспешно.

– Твои работы мне очень понравились. Если бы решение зависело только от меня, я бы взяла тебя без слов. Но наш отдел по маркетингу... А вернее его руководитель.

Она кривит лицо, а мне так смешно становится. Разве начальницы такими бывают? И я вдруг понимаю, что очень бы хотела работать на эту милую девушку. На просто Яну. И что не хочу слышать отказ. И другую работу искать не хочу. Мне здесь нравится! Только от меня ничего не зависит.

– Но ты знаешь, в конце концов, я здесь начальница, – внезапно подмигивает она, – а Борис пускай идет лесом со своими требованиями о профильном образовании или наличии хотя бы курсов. Да и дочки у нас ровесницы. Это точно знак! Вы ведь приедете к нам поиграть. Алиске так не хватает общения с девочками. У нее в саду одни кавалеры в друзьях. Ужас какой-то? Даже не представляю, что будет потом. Ведь наш папа уже рвет и мечет!

Она хохочет. Так звонко и естественно. Никакой наигранности. Я не верю в знаки. Но сейчас готова согласится со всем что угодно. Готова даже няней подрабатывать. Хотя и не понимаю, почему эта святая, не иначе, девушка тащит незнакомого человека к себе домой. И даже немного завидую ее вере людям. Я так не могу. Больше не могу.

Несколько лет назад моя вера атрофировалась. Один очень хороший человек постарался. Восстановлению не подлежит. Теперь я всех пропускаю через многослойный фильтр. Но даже это не спасает. Ведь путь к моему сердцу закрыт. Там больше нет никого. Никого кроме моей дочери.

– Когда сможешь приступить к работе? У нас, если честно, полный завал! Дополнительные руки не помешают.

– Я могу прямо сейчас, – ляпаю не думая.

Но ведь действительно могу. Анюта ходит в сад. И, надеюсь, продержится несколько месяцев. Буду давать ей витаминки для укрепления иммунитета. Мне должно повезти. Должен же и на моей улице случится праздник!

– Похвальное рвение, – кивает Яна, – сегодня оформим все документы и необходимые доступы. Познакомишься с уже имеющимися наработками. С нашей командой дизайнеров. Только ты понимаешь, что сначала будет испытательный срок? Это норма. Прости, по-другому нельзя.

Я не понимаю лишь одного. Почему она извиняется? Усиленно киваю головой. И следующие несколько часов напоминаю настоящего китайского болванчика. А под конец дня чувствую себя как выжатый лимон. Уставшей, но невероятно счастливой.

За Анютой лечу, как на крыльях. И даже привычное ворчание воспитателя сегодня не действует на нервы. Это ведь правда? Действительно со мной происходит? Я словно наконец выбралась из темной глубокой ямы на свет. Вдохнула вкусного свежего воздуха. А не затхлых паров с привкусом плесени. Ощутила теплую ласку солнечных лучей. Вместо промозглого сырого подполья.

И только утренняя встреча с Давидом, как темная грозовая туча на голубом небосводе. Мешает наслаждаться радужной картиной. Но это ведь ничего. Я зря волнуюсь. Уверена, мы больше с ним никогда не увидимся. Удача больше не должна от меня отвернуться.

Глава 4

На следующее утро просыпаюсь полная сил и решимость, как минимум покорить Эверест. Ну, или хотя бы не ударить в грязь лицом перед новой командой. Полночи я изучала проекты теперь уже моей фирмы. Фирмы, в которой и я буду скоро работать. Вот только испытательный срок пройду. Обязательно пройду. Ничто не сможет мне помешать!

Собираю Анюту. Завязываю бант на уже внушительной косе. Наверное, когда дочурка вырастит, станет обладательницей просто львиной шевелюры. Не то что я. Генетика взяла свое. И красотой моя дочка пошла явно не в маму. Взять хотя бы цвет глаз.

Гоню прочь грустные мысли. Сегодня не хочется думать о плохом. О прошлом. Жалеть себя. Сегодня хочется порхать. Творить. И созидать.

Еще раз настраиваюсь на победу. Вперед и только вперед! И тогда все обязательно получится.

Мы с дочкой уже у выхода, как в сумке начинает звонить телефон. Можно, конечно, пропустить звонок. Но вдруг с работы. В голову сразу лезет самый черный сценарий. Яна передумала. Скажет, что погорячилась и что в моих услугах их фирма не нуждается. И я опять останусь у разбитого корыта.

Трясущимися руками ползу в сумку и слегка выдыхаю. Номер на дисплее не моей новой начальницы. Но расслабляться пока еще рано. Ведь звонит воспитатель Анюты. А эта женщина уж точно просто так связываться со мной не будет.

– Что-то случилось, Инесса Владимировна?

Замираю на пороге с Аниной ладошкой в руках. Напрягаюсь, если честно. Быть может, дочь что-то натворила. Сломала? И с меня потребуют компенсацию. Или ударила другого ребенка. Такое тоже случается. Аня никогда не дает себя в обиду. И всегда дает сдачу.

В любом случае вряд ли повод, по которому мне звонят, хороший.

– Олеся Тимофеевна, у нас в группе объявлен карантин. Сегодня ребенка не приводите.

– Подождите. Подождите, – тороплюсь, потому что чувствую, она хочет повесить трубку, – но есть ведь дежурные группы.

– Они уже все заняты.

– Но почему вы не записали туда нас? Вы ведь знаете мне не с кем оставить дочь!

– Не надо мне тыкать. Что вы мать-одиночка, я, итак, прекрасно знаю, – в ее голосе столько пренебрежения, что мне плакать хочется, – но это абсолютно не значит, будто вам все должны. Всего доброго, Олеся Тимофеевна. Свои проблемы решайте сами!

Она отключается. Просто сбрасывает звонок. А я с ума начинаю сходить. Внутри поднимается такая паника, что не захлебнуться ею помогает лишь маленькая ладошка в моей руке. Ну, как так-то? Почему именно сегодня? Почему именно сейчас? И главное, что делать?

Усаживаюсь на пол обхватывая голову руками. Чувствую, как Аня гладит меня по волосам. Прижимаю к себе свою маленькую крошку.

– Только ты у меня есть, – шепчу вперемешку со слезами, целую пушистую макушку, – никому тебя не отдам.

– Мам, ну кому я нужна?!

– Наверняка много кому. Ты же у меня такая замечательная.

– Мама, а почему ты расстроилась? Это гавкая Инесса Бавмалевная виновата?

Смеяться начинаю. Но потом говорю уже более серьезно.

– Не надо обзывать людей! Их может это обидеть. Вот тебе бы понравилось, если бы так называли тебя?

– Нет, – опускает глазки мою личное, маленькое чудо, – больше так не бвуду.

– Вот и замечательно!

Снова прижимаю ее к себе. И начинаю думать. Какой смысл в панике? Она ничего не изменит. Не решит мою проблему. В конце концов воспитатель права. Никто мне ничего не должен. И за последние несколько лет я уже привыкла справляться сама. Мне не нужна помощь.

В конце концов принимаю решение позвонить Яне. Объясню ей ситуацию. Если пошлет куда подальше, так тому и быть. Мне не впервой начинать все с нуля.

– Привет, Олеся! Что-то случилось?

Она как чувствует. У меня все внутри сжимается от теплоты ее голоса. Так не хочется ее разочаровывать. Но что еще я могу? Мне правда не с кем оставить дочь. Ни друзей, ни родственников способных посидеть целый день с маленьким ребенком.

Объясняю вкратце все как есть. Терзаюсь муками совести в наступившей тишине. Понимаю, как это неудобно для работодателя. Не зря мамочек с маленькими детьми не особо жалуют. За последние пару лет сама не раз с этим сталкивалась.

– Я поняла, Олеся. Но это не проблема. В нашем офисе есть специальная детская комната с квалифицированным сотрудником. Можно сказать мини-детский сад для таких мамочек как мы с тобой, – она смеется, а мне плакать хочется. От ее доброты. От участия совершенно постороннего человека. – Именно для таких случаев. Я и сама Алиску там несколько раз оставляла.

– Это неудобно.

Все еще не верю в счастье. Наверное, происходящее мне только снится.

– Неудобно мне будет если мои сотрудники начнут повально пропускать работу.

– Прости...

– Хватит извиняться. Ты ни в чем не виновата. Такое с каждым может случиться. Ну, все. Мне некогда. Убегаю на встречу. Приходи. Я дам поручения и о твоей крошке позаботятся, как о настоящей принцессе.

– Спасибо, – только и получается выдать.

– Мама, посему ты опять плачешь?

– Все хорошо детка, – присаживаюсь на колени, – а ты хочешь сходить сегодня в игровую комнату на целый день?

– Да!!!

– Только чур слушаться воспитателя!

– А что в игровой комнате бывают воспитатели?

– В этой да.

Приглаживаю волосы на ее и своей голове. Поправляю одежду. Смахиваю пару накативших от эмоций слезинок. Внутри словно печка работает. Согревает. Я уже отвыкла от подобного отношения. Когда окружающим не плевать на тебя и твои проблемы. Когда от тебя не отворачиваются. А наоборот. Руку помощи протягивают. Теперь для моей новой начальницы я готова горы свернуть. И несомненно выложусь на все сто!

В офисе охранник объясняет, как пройти в детскую комнату. Для меня уже готов пропуск. Не постоянный. Но и не одноразовый. Не придется каждое утро показывать документы. С благодарностью принимаю и объяснение мужчины, и пластиковую карточку. А он вдруг улыбается в ответ. И на душе так тепло и светло становится. Как уже очень давно не было.

Оказывается, если не закрываться от мира, то и он может удивить. Не ударить наотмашь. А наоборот. Такое чувство, что все последние годы я жила в подземелье. И вот наконец вылезаю на свет. Гоню от себя призраки прошлого. Избавляюсь наконец от цепей и оков, которые оставил на память отец моей дочери. Давид...

Это имя, даже вслух не произнесенное, магией обладает. Тело сразу покрывается мурашками. Они проникают всюду. Заставляют вспоминать о том, что я женщина. О том что и я

когда-то получала удовольствие от любви. Сгорала в страстных объятиях любимого. Но не любящего.

Головой трясу. Пытаюсь прогнать предательский морок. Но память услужливо подбрасывает картинку недавней встречи. Возрождает образ, который оказывается и не стерся вовсе. Как я мечтала. Как я хотела. А в голове уже всюду звучит волнующий, как раскаты грома, голос: « Простите, мы знакомы? Может виделись раньше?»

Совершаю еще попытку. Гоню прочь туман прошлого. Обманчивый, застилающий все плохое. И выставляющий вперед все хорошее. Наши жаркие ночи. Его сладкие речи. То с какими нотками скрытого обожания он порой произносил «звезда моя». И сложно было не поверить. Сложно было не купиться. Той наивной дурочке, которой я была.

Но больше этого не повторится. Я теперь другая.

Крепче сжимаю ладошку дочери в руках.

Все в прошлом. Все забыто. Былого не вернуть.

Глава 5

- Переделывай!
- Ну, что за бестолочь!
- Сразу видно с улицы взяли!

Я молчу. Терплю все обидные нападки. Понимаю, что Борис Сергеевич в какой-то мере прав. Что, впрочем, конечно не дает ему право меня оскорблять. Но и бежать жаловаться никому не собираюсь. Не маленькая ведь уже. Сама справлюсь.

Мой новый начальник меня невзлюбил. Похоже все дело в том, что я самоучка. Или может он хотел посадить на это место кого-то своего, а пришла я. Как говорится с улицы. Но молодой мужчина бесится уже битый час. Давая мне самые разные поручения и каждый раз оставаясь недовольным результатом.

- Ни на что негодная! – заключает он. – Поди, кофе мне что ли сделай.

Глотаю горькую обиду и иду делать начальнику кофе. Главное не плюнуть в него. В кофе то есть. А не в начальника, конечно. Хотя...

Приношу и снова получаю крики и брань:

- Нафига сахар положила? Я пью горький.
- Я не знала.

– Так спроси! Бестолочь! Дал же бог сотруди́чка. Все надо делать самому.

Он встает и направляется к кофе-машине. Дрогой, красивый аппарат. Пользоваться которым меня научила Наташа. Тоже девушка из нашей команды. В отличии от бесячего босса, она приняла меня тепло. Хотя по сравнению с Борисом даже кактус на подоконнике выигрывает. Он по крайней мере молчит. И если его не трогать, то не колетя. А вот с женщиной так не получается.

К концу дня чувствую себя как выжатый лимон. Ползу за Анютой, понимая, что готова расплакаться в любую секунду. То, что со мной обошлись несправедливо, жжет каленым железом изнутри. Но может со временем он утихомирится. Смирится. А еще я должна показать, на что действительно способна. Тогда начальник поймет, как был не прав. И если не признает, то хотя бы оставит в покое. Даст нормально работать. А не выслушивать целый день его брань.

- Мамочка! Мамочка! Прррривет! Тут так здоррррово!

Летит мне на встречу Аня, а я зависаю. Бросаю удивленный взгляд на воспитательницу. Милую женщину лет под сорок. Очень опрятную. С идеальной прической. Будто она не детьми занималась, а в салоне красоты весь день провела. Завидую. Ведь у меня на голове настоящий тайфун. Хотя я ходила в туалет причесываться и умываться пару раз.

– Мы с Анечкой немного позанимались, – произносит она своим тихим приятным голосом, – я ведь по специальности еще и логопед. И заметила, что у Ани есть проблема со многими звуками. Такое лучше не запускать. Вы ходите в логопедический садик?

- Нет, – признаюсь, – в обычный. Я как-то не думала.

Если честно, даже не знала, что такие существуют. Вдобавок к неудачам сегодняшнего дня добавляется еще и чувство вины. Я отвратительная мать. Слезы уже с трудом удается сдерживать.

– Вам должны были это на комиссии сказать. Но не волнуйтесь. У Ани идеальный возраст для занятий с логопедом. Если вы не против, я могу с ней заниматься.

- Знаете, у меня пока нет...

– Это совершенно бесплатно. Как говорится, все включено.

Она смеется. А мне не до смеха. Потому что это все слишком. Все сегодняшние события слишком. Поскорее бы добраться до дома, тихо порыдаться в ванне под шум воды, чтобы дочь не услышала. Надеюсь, сегодня больше ничего не произойдет.

– Спасибо. Я подумаю, – благодарю милую женщину.

Она улыбается и прощается с нами. А мы наконец выходим в коридор. Замечаю, что у дочки липучка на одном ботинке не до конца застегнута. Упадет ведь. Наклоняюсь, чтобы поправить. Вожусь дольше обычного. Пальцы слегка дрожат.

– Мама, мама, кто этот дядя? – тянет ручки Аня.

Отрываю взгляд и вижу, что рядом с нами и правда мужские ботинки. Давно он тут стоит? Если это Борис, решивший унижить меня при дочери... Кулаки на автомате сжимаются.

Я поднимаю голову и окунаюсь в пепельный водоворот глаз. Ненавижу их. Люблю до сих пор. А мужчина делает невероятное. Присаживается. Так что теперь наши глаза практически на одном уровне. Но смотрит он не на меня.

– Давид, – представляется он, не отрывая взгляда от ребенка.

А мое сердце холодеет. Догадался? Понял? Только не это?

Я уже застегнула липучку и хочу встать. Но ноги как ватные. И все тело окаменело.

– А кто вы такой? – не унимается дочка.

– Я очень хороший «друг» твоей мамы.

Он ловит мою горькую усмешку на слове «друг». А я вздрагиваю, настолько знакомо и пугает его выражение. Собираюсь с силами и поднимаюсь. Надо скорее уходить отсюда. Не знаю, что Давид тут забыл? И зачем судьба столкнула нас вновь? Но бежать прочь – единственно верное решение.

– Пойдем дочка, – тяну ее подальше, как можно дальше от этого страшного мужчины, – нам пора.

– Еще увидимся, О-ле-ся!

Его слова, как выстрел в спину. Но я даже не оборачиваюсь. Незачем нам больше видеться. Все в прошлом. Он в прошлом.

Глава 6

Я стараюсь не думать о Давиде. Стараюсь не искать в двух наших встречах ничего знакового. Ведь нет там этого. Простая случайность. Он за каким-то надом ходит в ту фирму. А я там работаю. Вот и видимся. Такое бывает в жизни. И вовсе это не судьба. Правда ведь?

– Мама! Больно!

– Прости! Я задумалась. Больше так не буду.

Оглаживаю детскую головку и заканчиваю плести косу. Сегодня все валится из рук. И даже с дочкой я не могу найти покоя. Давид видел ребенка. Понял, что Анюта моя дочь. И что подумал? Может решил, что я вышла замуж. Завела семью. Уверена, у него нет больше ко мне никакого интереса. Ведь прошло столько лет. Да и сам он давно и глубоко женат. Ждет сына или дочь.

Последнее острой правдой вонзается в сердце. Заставляет растирать грудь. Словно я ею ударилась. Словно это сделает боль меньше. А может и совсем от нее избавит. Только все не работает. Боль то не снаружи. Она внутри. Прожигает дыры. Разрушает броню, что строилась годами. Заставляет хотеть несбыточного.

Зачем он сказал последнюю фразу? Зачем разворошил улей, казалось, давно забытых воспоминаний? Чтобы там ни было наши дорожки разошлись.

С такой уверенностью выхожу из дома. Передаю дочь Анне Павловне. В детской комнате сегодня еще несколько ребят. Но удивительно, я даже не волнуюсь. Хотя в обычный садик отдавала Аню с трудом. И целый день страдала мыслями как она там. Но здесь почему-то уверена. Ничего плохого не произойдет.

Женщина производит настолько благоприятное впечатление, что для черных мыслей не остается причин. Да и дочка бежит к ней как маленький зайчик по полянке из кубиков и искусственного газона. И прыгает прямо на ручки.

С чистой совестью отправляюсь на работу. Но там уже ждет очередное испытание. Как я могла забыть? Мой новый начальник, возненавидевший меня с первых секунд. И остается только терпеть его несправедливые упреки. Стараться изо всех сил. Ведь эта работа нужна мне. Я не могу вылететь отсюда только потому, что не угодила одному бесячему мужчине.

– Завтра не опаздывай! – кидает мне вслед Борис, когда я наконец выхожу из офиса.

Наташа сочувствует и поджимает губы. А я молча киваю. Будто до этого опаздывала. Но ему обязательно надо напоследок макнуть меня в грязь лицом. Указать на то какой я некомпетентный, несостоявшийся сотрудник.

Плетусь к детской комнате и замираю, едва взгляд скользит по просторной площадке за стеклом. Сразу узнаю широкоплечую фигуру в темном деловом костюме. Давид. Столько лет прошло и только его я всегда узнаю из сотни. А рядом... маленькая пушистая головка с голубой лентой, что сегодня вплетала в дочкину косу.

Сердце ухает в пятки. Перед глазами темнеет и я делаю шаг. Словно по команде мужчина разворачивается. Обдает взглядом своих невероятно красивых пепельных глаз. Они смотрят не на меня. А проникают в самую душу. Выворачивают ее наизнанку. Напоминают о том, что было. О том чего навсегда лишилась.

Дочь так мило беседует с ним. А в моей душе буря поднимается. Зачем он пришел? Чего добивается? Что пытается выяснить? Или тоже случайно проходил мимо детской комнаты? И не слишком ли часто он здесь бывает для обычного клиента?

Все эти вопросы мелькают в голове, пока я направляюсь к воспитателю. Закатывать скандал на глазах у маленького ребенка не самое верное решение. Хотя ужасно хочется. Но я перебарываю себя. Подхожу к Анне Павловне и спрашиваю как можно тише:

– Скажите, пожалуйста, что в детской комнате делают посторонние?

Должна же она понять, что пренебрегла инструкциями. И выгнать взащей наглого мужика.

– Посторонние?! – удивляется женщина, – ах, вы о Давиде. Но он же брат Яны Сергеевны. И он пришел сегодня за Алисой. Это его племянница.

Она протягивает руку, и я вижу то, что сначала не заметила. Пропустила под натиском чувств и эмоций. Маленькую девочку рядом с ними. Примерно Анину ровесницу. В красивом розовом костюме и с огромным плюшевым волком в руках.

Дочь наконец замечает меня и с воплями «мама пришла!» несется навстречу. Я на автомате раскрываю свои объятия. На автомате прижимаю к себе маленькое тельце, а сама продолжаю сканировать неподвижную фигуру мужчины. Отслеживать каждое его движение. Словно готова в любую секунду дать стрекоча, унося с собой самое ценное. То, что никогда ему не отдам.

Но он не встает. Не пытается к нам подойти. И вообще теряет к любой интерес полностью переключаясь на племянницу. А я ощущаю себя мнительной бывшей женой не желающей, чтобы отец общался с собственным ребенком. Но по-другому поступить не могу. Да и как?

Сложно себе представить, что после стольких лет я подойду и скажу:

«Привет, Давид! Это твоя дочка.»

«Давид, как дела! У тебя дочка родилась.»

«Давид, помнишь меня? Я Олеся. И я родила тебе дочь.»

Бред какой-то. Самое вероятное – он пошлет меня куда подальше. А если нет... Вдруг он захочет забрать дочь себе. Ведь спустя столько лет я ему вряд ли нужна. А вот родной ребенок...

По телу пробегает озноб. Если Давид захочет, у него все получится. И никакой суд не поможет. Мне просто не хватит средств и связей отстоять свое. А у него все это есть. И я потеряю дочь. Не бывать такому!

– Мам, мам! Ты слишком сильно сжимаешь мою руку. Мне больно.

– Прости милая. Больше не буду.

– Мама! Мам! А я сегодня с девочкой познакомилась!

– И как ее зовут?

– М-м-м-м... Я не помню.

– Может Алиса.

– Да! Точно! А еще у нее есть папа. Он подарил ей волка. Он мягкий и пушистый. Волк в смысле. А не ее папа. Я тоже такого хочу. И папу хочу тоже, – мое сердце пропускает удар. – Мама! Мам! А у меня есть папа?

Я знала, что этот день однажды придет. Готовилась. У меня даже был план. Убедительный. Но сейчас все напрочь вылетает из головы. Стараюсь не оглядываться по сторонам, когда идем по парковке. Ведь наверняка его автомобиль где-то здесь. А мы поедem на автобусе. На свою машину я еще не скоро заработаю.

К счастью, дочь быстро переключается на другую тему. К несчастью, эта тема бьет наотмашь еще сильнее.

– А еще у нее есть дедушка и бабушка. И дяди. Двое. Один из них пришел забирать ее из садика, – тараторит ребенок пока я глотаю воздух в лихорадочных попытках успокоиться.

Прошлое слишком внезапно свалилось на голову. Словно ливень, начавшийся среди ясного дня. А у меня нет зонта. И ни одного укрытия поблизости. Поэтому приходится стоять, пока безжалостные удары выбивают из тела дрожь. Пока его взгляд, его губы, один вид непослушных густых волос волнует сердце. Заставляет кровь внутри бежать быстрее. Вспоминать, что и я когда-то была счастлива. Счастлива рядом с тем, кто не любил.

Глава 7

– Мама! А дядя Давид обещал подарить мне тигра!

Анюта прыгает вокруг меня от радости, пока я трясущимися от злости руками пытаюсь всунуть ее ножки в ботиночки. Пытаюсь не смотреть. Игнорировать стоящего невдалеке мужчину. Он издевается! Не иначе.

На вид холодный и совершенно равнодушный. Отстраненно наблюдающий, как сама одевается его племянница. Интересно, а со своим ребенком он будет вести себя так же?

Очень хочется залезть к нему в голову. Прочитать все его мысли. Понять, что он думает о нас наконец. Но у меня это и раньше плохо получалось. А теперь, когда мы стали совершенно чужими, и подавно. Поэтому надо просто смириться. Умом понимаю. Но не сердцем. Оно доводы рассудка совершенно не слушает. И продолжает тянуться к этому недостойному меня человеку.

Пока он держится подальше, нет поводов для беспокойств. Возможно, он ничего не понял. Не понял, что Аня его дочь. А я для него не более чем досадный эпизод из прошлого. Ошибка. Которую давно забыли.

– Это слишком дорогой подарок, милая, – стараюсь, чтобы голос не дрожал. Но как вообще такое возможно рядом с этим мужчиной? – Мы не можем принять его от *постороннего!*

Делаю ударение на последнем слове. Глупая попытка задеть. Пустая. Бессмысленная. И мне только кажется, будто голова мужчины слегка поворачивается в нашу сторону. Нет такого. Всею виной мое неуспокоившееся сердце.

– Ну, мамочка! Ну, пожалуйста! – начинает хныкать дочь.

А я сержусь на Давида. За то что пообещал. За то что вообще приблизился к нам. За то что меня предал и теперь стоит тут такой невозмутимый. А я воспитываю его ребенка. Интересно, какое было бы выражение его лица, узнай он?

Удивление? Злость? Обида? Но точно не радость. Именно поэтому о нашей с ним дочери он никогда не узнает.

– Давай поговорим об этом дома.

Поднимаюсь и уже хочу направиться к выходу, как непонятно откуда взявшаяся фигура перегораживает путь.

– Может вас подвезти?

Голос как из моих самых жарких кошмаров. А все тело тут же колкими мурашками покрывается. Зачем он так смотрит? Ведь у него жена. Беременная!

И хочется крикнуть. Давид, не смотри так на меня! Давид, посмотри так вновь! Эти противоречивые чувства разрывают. Но я их прячу глубоко-глубоко. На самое дно темного, сырого колодца. Туда же где уже давно валяется мое разбитое сердце.

– Нет. Спасибо. Мы на...

– Мама, я не хочу ехать на автобусе, – опять начинает капризничать Анюта.

А у меня руки опускаются. Потому что устала. Потому что нет сил бороться. Впервые я начинаю злиться на Анюту. На своего маленького зайчика. Который все эти годы был светом в окошке. И всею виной мужчина стоящий прямо передо мной.

Не говорю больше ни слова. Просто беру дочь и утаскиваю за собой. Она хнычет. Извиняется. Пытается даже меня ударить. А я чувствую себя самой ужасной матерью на свете. Но даже так ни за что ни при каких обстоятельствах не сяду с Давидом в одну машину. В его машину. В салон, который насквозь пропитался им самим.

На улице вызываю такси. Денег на него катастрофически нет. Но трястись с капризным ребенком в автобусе я просто не сдюжу. Моя нервная система такого не выдержит. И что еще

хуже, сорвусь на дочь. А я не хочу этого. Не хочу кричать на маленького ребенка. Ведь она ни в чем не виновата. Во всем виноват только Давид!

Почему он ведет себя так странно? Или странная здесь только я? Возможно, он и правда хотел просто нас подвезти. Не имея никаких скрытых мотивов. В конце концов что ему скрывать? А может его вообще племянница попросила. Они с Аней вроде и правда успели подружиться. Может не хотела так быстро расставаться с подругой.

А я тут устроила настоящий детский сад. Напридумывала себе невесть что. Ну, что мне стоило пойти навстречу. Сесть в машину. Сэкономить нервы себе и дочке. Что стоило?

Дома объясняю Аняте, почему мы не будем брать игрушки и другие подарки от совершенно постороннего человека. Она все еще куксится. Но я обещаю с первой же зарплаты купить ей что-нибудь не очень дорогое. И только тогда она засыпает, оставив меня наедине с собственными мыслями. Ох, лучше бы их не было.

Завариваю крепкий горячий чай и усаживаюсь на кухне. Свет не включаю. Достаточно подсветки духовки. Руки сами тянутся к телефону, в котором до сих пор сохранен его номер. Уверена, он его давно сменил. Для этого не мало причин. Например, неудобный тариф.

А я почему-то продолжаю хранить. Беречь. Будто тоненький мостик до сих пор нас связывающий. Будто однажды наберусь смелости и позвоню. Будто...

Палец соскальзывает и вот уже гудки. Я слушаю их с широко открытыми глазами. Только сердце в груди стучит на всю нашу крохотную кухню. Надо сбросить. Надо скорее сбросить. Надо что-то сделать, пока не стало поздно.

– Слушаю.

Голос до дрожи знакомый. Заполняющий теплом все внутри. Таким забытым. О, как я по нему скучала. Как ждала, что придет. Найдет. К себе заберет. Не пришел. Наверно даже и не искал. Так горько и обидно становится.

– Говорите. Что вы хотели?

– Я ничего от тебя не хочу! – выкрикиваю и тут же губы закусываю.

Почему он не поменял номер? Почему ответил? Нужно скорее сбросить звонок!

– Олеся?! Почему ты звонишь? Что-то случилось? С тобой или... Аней?

Он так легко это произносит. Словно не было никаких долгих лет расставания. Словно он не предавал меня. Нас. Словно его не ждет дома законная жена с законным наследником. Наверняка мальчиком. Мужчины ведь любят, когда у них мальчишки?

– Я случайно тебе позвонила. Палец соскользнул и...

Боже, как это глупо звучит. Хочу просто отключиться, но он опять мое имя произносит. Это действует как-то гипнотически. Вроде обычные буквы. Но в его устах магию приобретают.

– Олеся! Ты можешь ненавидеть меня. Это твое право. Наверное, то как я поступил... Впрочем, я ни в чем не раскаиваюсь. Я сделал то, что считал на тот момент правильным. И если ты меня наконец выслушаешь... Но речь сейчас не об этом. Ответь мне на один вопрос. Аня моя дочь?

Глава 8

– Нет! – слова вылетают быстрее, чем подумать успеваю. Но как иначе? Я никогда не признаюсь Давиду. Он предал нас. Меня. Он не заслуживает быть отцом. А я не хочу делить с ним дочку. – Это совершенно невозможно. Я уверена, что, когда... мы расстались, я еще не была беременна.

– А вот я не уверен. И хочу, чтобы мы сделали тест-Днк.

Теряюсь. Пугаюсь словно застигнутая на горяченьком. Как школьник, попавшийся со шпорой во время решающего экзамена. Но прямой отказ будет подозрителен. Давид не дурак и это, к сожалению, минус.

– Мне надо подумать. И, вообще, я не понимаю с чего тебя заботит твое возможное отцовство? Разве не ты говорил, что не хочешь от меня детей?

Слышится вздох. Такой, что меня озноб пробирает. И, кажется, будто я совершила самую большую ошибку в жизни. Но это ведь не так! Я все сделала правильно!

– Олеся, – измученно выдыхает Давид, – только не говори, что те слова были одной из причин твоего побега?

– То есть твоя свадьба – недостаточная причина!

Не выдерживаю. Да он шутит?! Ведет себя так, словно и не виноват вовсе. Словно и не ждет его жена дома с работы. Словно это я одна во всем виновата!

– Моя свадьба – отдельная тема.

– Действительно, – пожимаю плечами, – и ты тоже для нас отдельная тема, Давид. Мы теперь отдельно, – говорю так, чтобы понял. – И, знай, ребенок не твой! Если хочешь тест-ДНК. Будет тебе тест-ДНК!

Бросаю трубку в прямом смысле. Благо телефон падает на пол и не разбивается. Крепкая модель. Повезло. А мне надо быть осторожнее. Ведь позволить себе новый я пока не могу.

Чай уже остыл. В отличии от пожара, бушующего в моей душе.

Подбираю телефон. Проверяю его работоспособность. Небольшая трещина все же появилась. Но защитная пленка спасла экран. Качаю головой и уже заносу палец, чтобы удалить номер Давида с устройства. Но в последний момент останавливаюсь.

Может пора прекращать совершать импульсивные поступки. Удалить его номер я успею всегда. Но сначала нужно разобраться с тестом-ДНК, который я ему с дуру пообещала. Хотя вообще не обязана ничего подобного делать. Только боюсь, если откажусь, он может пойти своим путем. И тогда правда вскроется. А я должна избежать этого любым путем.

Прохожу в комнату. Пару секунд любуюсь, как дочка мирно спит в своей маленькой кроватке. Сердце в груди сжимается. Разве смогу ее отдать? Никогда? Она уже давно стала частью меня. И мы прекрасно все эти годы жили без Давида. Прекрасно ведь?

Сажусь на старенький купленный по объявлению диван. В этой комнате вся мебель такая. На большее просто нет средств. Ведь у меня даже родственников нет, кто мог бы позаботиться. Поддержать. Когда-то была бабушка. Единственный и самый родной человек на свете. Но ее не стало в мои двадцать. Невосполнимая утрата.

А потом встретился Давид. Решительный. Уверенный. Такой надежный на первый взгляд. Спрятаться за ним, как за каменной стеной, стало моей мечтой, которую я отчаянно хранила. Не позволяла даже взгляду неподобающему упасть на собственного начальника. И все его ухаживания принимала за обычную вежливость. Я была такой наивной.

Это потом поняла, что вежливым он никогда не был. Что Давид из тех мужчин, которые привыкли брать свое. Вот и меня он взял. Только я надеялась стать законной женой, а не позорной любовницей.

Не срослось. Бывает. В моей жизни часто так. Пора бы уже привыкнуть. Пора бы уже самой строить собственное счастье, не надеясь на помощь со стороны. Пора бы уже забыть все, что было.

Опускаю голову на подушку и закрываю глаза. Я справлюсь. Я со всем справлюсь. Я смогу!

– О-ле-ся! Звезда моя!

Я поддаюсь. Прогибаюсь под его ласками. Ощущаю его тепло каждой клеточкой своего организма. Хочется пить эту ласку, как изысканный нектар. Вбирать в себя полностью. Как солнечные лучики на летнем пляже. Купаться в ней, как в теплом безбрежном море. Море, которое не обидит. Которое не предаст. И никогда не разобьет мой маленький кораблик о рифы суровой реальности.

– Скажи мне! Аня ведь моя дочь? Девочке не место рядом с такой мамашей, как ты. Я заберу ее и обеспечу нормальную жизнь. Жизнь, которой достоин мой ребенок.

Я резко открываю глаза и просыпаюсь. Гулкие отголоски сна еще кружат вокруг. Пытаются причинить боль. Но разлетаются на мелкие осколки в свете утреннего солнца. Хватаю ртом воздух. Стараюсь привести чувства в порядок.

Все это сон. Просто дурацкий сон. Страшный кошмар, который никогда не сбудется. Я не позволю!

Дольше обычного привожу себя в порядок в ванне. Даже душ принимаю. Только чтобы смыть с себя липкие остатки страха и... Боже! Это всего лишь сон. Давид вслух ничего подобного не произносил. Да, даже если бы произнес. Разве меня должны волновать его слова? Теперь он мне совершенно чужой человек. Пускай думает, что хочет. Моя жизнь от этого не изменится.

Собираю дочь. Волосы свои в тугую гульку закручиваю. Настраиваюсь сегодня на бой. Наверняка Борис опять с меня не слезет. Да и Давид... А что Давид? С ужасом понимаю, что жду встречи с ним. Хочу снова увидеть, как он забирает свою племянницу. Милую девчущку так не похожую на маму. Наверное, в отца. Тоже...

Да, блин! Хочется стукнуть себя по щеке. Ударить как следует. Выбить все глупые мысли. Воспринимать Давида Сулейманова, как одного из многих. Например, как моего начальника, Бориса, к которому я точно никогда не воспылаю желанием. Дай бог, сдерживать рвотные позывы при нем.

Но придя вечером за Аней, едва не выпускаю вздох разочарования. Он не пришел. Давида сегодня нет. Девочку забирает другой мужчина. Большой, накаченный, с татуировками, спускающимися по оголенным рукам. Алиса кидается ему навстречу с визгами «папа». И сложно представить более неподходящую пару для Яны, чем этот суровый на вид мужчина.

Я собираю дочь и выхожу. Глупо было чего-то ждать. Надеяться, что после нашего разговора Давид пересмотрит свои взгляды. Разведется. Сделает мне предложение. Глупо и наивно. Все что его волнует это установление отцовства. Формальность, столь важная для их семьи.

Он не испытывает любви ни ко мне, ни к нашей дочери. Все решают жалкие бумажки. Родство. А если его нет, то и мы ему не нужны. И в этом кроется ключ к свободе.

Тест-Днк?! Что ж будет ему тест-Днк. Залезаю в интернет и вбиваю в поиск.

Ты не получишь нашу дочь, Давид. Я не позволю!

Глава 9

Всю следующую неделю Давид не показывается мне на глаза. И это должно меня радовать. Ведь я так и хотела. Никогда больше его не видеть. Не соблазняться красивым видом широких плеч. Жесткой линией губ. Длинными пальцами, которые...

Похоже мое воздержание плохо на меня влияет. Но и заводить любовника только, чтобы укротить физиологию, не собираюсь. Ведь постель для меня никогда не была на первом месте. Будь оно так, я бы не ушла от Давида. Довольствовалась бы малым – ролью любовницы. Только не хочу. Или все, или ничего.

– Соколенко, что это за ужас опять? Что за цвета? Сразу видно – дизайн не твое.

Я вздрагиваю, а Наташа кидает сочувствующий взгляд. Но я все равно поднимаюсь и иду к начальнику.

Борис окидывает меня взглядом, от которого холодок ползет по спине. И хочется забиться под стол. Или убежать. Этот мужчина похож в совершенстве владеет искусством моральной порки. Нашел самое слабое звено в офисе и теперь издевается. Ведь что может противопоставить начальнику обычный стажер. Я здесь на птичьих правах и могу вылететь в любую минуту.

– Подойди сюда, – зовет к своему столу, и я слушаюсь, – исправь здесь и здесь. Надеюсь, как это сделать, тебе объяснять не надо.

Я киваю головой и замечаю, как его взгляд съезжает в мое декольте. Да быть такого не может! Это длится всего одну секунду. А может вообще лишь мне мерещится. Я слишком много последнее время думаю об озабоченном бывшем начальнике. Но ведь не все такие как Давид. Не все будут тянуть своих сотрудников сразу в койку.

– Я все исправлю в кратчайшие сроки.

– Хорошо. Выполняй.

Он откидывается на стуле. А мне пятую точку так и печет, когда обратно к своему месту возвращаюсь. С другой стороны подумаешь – мужик пялится на твою задницу. Нет в этом ничего криминального. Законом не запрещено. И, вообще, ничего не значит. Не все спят и видят, как затащить любую юбку в постель.

– И, кстати, во второй половине дня у нас выезд к заказчикам. Так что успевайте закончить все свои работы в офисе, – предупреждает грозное начальство.

Мы с Наташей переглядываемся и утыкаемся в мониторы. Светлана продолжает пить чай. Но ей никаких замечаний никто не делает. И вот правда я не хочу думать о плохом. Не хочу делать выводы по одному внешнему виду девушки.

Неприлично короткая юбка, из-под которой даже видно кружево чулок. И блузка с очень глубоким декольте на объемной груди. Так что даже пуговицы трещат от натуги. И явно размер побольше бы не помешал.

Но все это не мое дело. Поэтому я утыкаюсь в экран планшета и стараюсь создать чудо. Хочу показать этому невыносимому мужчине, на что действительно способна обычная самоучка. Может тогда он наконец отстанет от меня.

– Ну, и денек сегодня выдался, – вздыхает Наташа, опуская голову на мое плечо, когда мы наконец заканчиваем все дела за пределами офиса.

– Не говори, – я копаюсь в сумочке и достаю наконец телефон.

Борис так нас всех загонял, что даже времени проверить его не было. Смутная тревога гложет изнутри. А когда замечаю, что аппарат разрядился и выключен чертыхаюсь.

– Ты что? Случилось что-то? – подскакивает девушка.

– Да нет. Все хорошо. Просто телефон разрядился. А я и не знала. Может кто звонил.

– Сейчас в офис приедем, можешь на зарядку воткнуть. Я дам тебе провод. У нас вроде подходят.

Киваю. Но тревога не отступает. Мы добираемся на такси. Так как Борис и Светлана уехали на машине начальника. В офисе их не обнаруживается. Но думать сейчас о шашнях этих двух, последнее чего я хочу. Ставлю телефон на зарядку и тут же его активирую.

Буквально сразу раздается звонок. Отвечаю не раздумывая.

– Да, Анна Павловна. Что-то случилось с Аней?

– Ох, Олеся Тимофеевна, наконец-то я до вас дозвонилась. Девочку увезли в больницу. Очень быстро поднялась температура. А вы не брали трубку. Я побоялась оставлять ребенка под свою ответственность.

– Кто увез? Скорая? В какую больницу?

В голове ураган. Руки трястись начинают. Но я стараюсь не паниковать. Стараюсь не думать, как сильно испугалась моя маленькая дочь одна в неизвестном месте с незнакомыми людьми.

– Вы же понимаете, я сама не могла поехать. У меня тут еще дети. А ваша дочь так резко потеряла сознание.

Начинает оправдываться женщина. Но я ее обрываю. Все понимаю. Сейчас не до этого.

– Анна Павловна, кто и куда ее увез?

– По счастливой случайности Давид Сергеевич оказался рядом. Он вызвался сам сопровождать ребенка.

Отметаю вопрос: вы так просто отпустили мою дочь с совершенно посторонним человеком – как непродуктивный сейчас.

– Я пыталась дозвониться Борису, вашему начальнику. Но он не брал трубку.

Подозрение о том, что мужчина делал это намерено, тоже отметаю. Не настолько же он муд... Придурак в смысле.

– Адрес! Анна Павловна, в какую больницу увезли мою дочь.

Она диктует, а я тем временем пытаюсь объяснить Наташе на пальцах, куда и зачем ухожу. Но она, похоже, итак понимает.

– Иди. Иди, конечно. Я прикрою. Даже не волнуйся об этом.

Киваю с благодарностью и вылетаю наружу. До места добираюсь на такси в кратчайшие сроки. По дороге звоню Давиду. Сейчас не время для обид или выяснения отношений. Да и он, к счастью, больше не пытается залезть ко мне в душу. Не задает неловких вопросов. И вообще ведет себя нормально. По-деловому строго объясняет, что случилось. Даже выходит встретить меня. И провожает до нужной двери. Я бы долго плутала во всех этих хитросплетениях дорожек и корпусов.

Обстоятельства настолько бьют. Настолько вводят меня в шок. Что руку на своей талии, я пропускаю как само собой разумеющееся. Не обращаю внимание и на то, как близко прижимается ко мне Давид. Хотя тело, кажется, реагирует независимо от разума. И ему все очень даже нравится.

Но это все я отмечаю каким-то очень крохотным уголком сознания. Потому что все мысли сейчас заняты ребенком.

Давид отводит меня в палату, и я бросаюсь к дочери. Она уже в сознании. Но видно, что еще слаба. С капельницами, торчащими из руки. И глазами полными слез, которые при виде меня превращаются в бурный поток.

Прижимаю к себе и успокаиваю свою малышку. Ловлю на себе внимательный, задумчивый взгляд. Давид подпирает спиной дверь. Смотрит молча. Но так красноречиво, что мурашки по спине проползают. А в голове странные мысли. Так не смотрят на чужих, посторонних людей. Так смотрят...

Под наплывом чувств и эмоций губы сами размыкаются. И я уже готова признаться. Сказать, что Аня действительно его дочь. Сказать, как сильно я скучала. Сказать, как люблю его до сих пор. Признаться во всем. А потом будь что будет. Мозг в этот момент уходит на паузу. Оставляя сердце полновластным хозяином.

Но случайность спасает от роковой ошибки. Телефон, звонящий в его кармане, мое спасение. Давид достает аппарат. Мельком смотрит на экран. Морщится, едва заметно, и отвечает:

– Да, Милана. Слушаю. Что ты хотела?

А меня словно ледяной водой обливают. Милана – это ведь его жена. Столько лет прошло, но я помню это редкое имя и красивую девушку, что однажды встретила в клубе. В день моих рухнувших надежд.

Отворачиваюсь к дочке и больше на него не смотрю. Еще сильнее убеждаюсь в том, что все делаю правильно. Никакая мы не семья. Ведь у него есть другая. Настоящая. И он нам чужой.

Глава 10

Дочь наконец засыпает. А я выхожу наружу. Надо найти врача. Спросить, что это было. Почему мой ребенок потерял сознание. Спросить сколько мы должны за одноместную явно платную палату. И хватит ли у меня средств заплатить. Ведь до зарплаты еще далеко. Да и я пока всего лишь стажер. На скромный оклад, прописанный в договоре, много не разгуляешься.

Выхожу спиной. Тихонько прикрываю дверь и вздрагиваю. Тело упирается во что-то твердое. А вокруг уже разливается знакомый до боли аромат туалетной воды.

Хочется трусливо сбежать, но я решительно разворачиваюсь. Встречаюсь с пепельными глазами, выражение которых сейчас не читается. Но в то же время пробирает до дрожи.

Что он здесь делает? Почему еще не ушел? Я думала давно побегал к женошке. Не зря ведь она ему звонила. Злиться начинаю. Хотя не должна. Больше меня не должно волновать, где и с кем проводит свои ночи Давид.

– Что ты хотел? – надеюсь мой голос достаточно тверд.

А вот сердце предательски подводит. Никогда рядом с ним не могла оставаться спокойной. И холодная решимость в глазах Давида не самое сильное его оружие. Ведь стоило ему улыбнуться или позвать меня ласково, и все обиды отступали прочь. Оружие, которое он беспрочно использовал. Раньше.

– Хотел напомнить про твое обещание. Про тест для нашей дочери.

– Моей дочери, – на своем стою. Хотя его внезапная выходка и застигает врасплох. Заставляет сердце стучать как сумасшедшее. – Сколько раз тебе повторять? Аня не твой ребенок.

– Интересно, где же ее отец?

Одной рукой он упирается в стену. Блокирует мне выход стороны. Еще движение и я окажусь в окончательной ловушке. Словно загнанный после долгой охоты зверь.

– Ее отец нас бросил! Доволен?

– Наверное он полный дурак, раз оставил такую женщину. Я бы никогда тебя не бросил.

От его слов дыхание перехватывает. А свободная рука Давида так внезапно подле лица оказывается, что я отдернуться не успеваю. Но вместо того, чтобы прикоснуться, он подцепляет прядь моих волос.

– Тебе идет темный, – к своему лицу подносит, вдыхает. А я тарашусь, как замороженная. Такой невинный жест, а меня словно раздели и к кровати уже подталкивают. И в голове тысяча и одно воспоминание как это было. – Но светлый мне нравился больше.

Сглатываю липкую слюну. Все идет не по плану. Не таким я представляла наш разговор. Признаюсь, я вообще его не планировала. Он ведь не показывался всю прошлую неделю мне на глаза. И я уже понадеялась, будто легко отделалась. Но разве с этим мужчиной хоть раз было легко? Он мне в наказание послан. Не иначе. Только вот за какие грехи?

– Давид! Пусти меня! Тебя жена ждет!

– Никто меня не ждет. Так что постой спокойно, О-ле-ся. А то хуже будет.

Его слова действуют прямо противоположно. Делаю резкий рывок, но меня лишь сильнее к стене припечатывают.

– Я же просил, – и в глубине его глаз уже разгорается пламя. Такое знакомое. Такое... мое. Раньше мы в нем вместе сгорали. – Неужели так сложно хоть раз меня послушаться? Все наши беды, Олеся, из-за твоего непослушания.

Ответить, что нет никаких «нас», не успеваю. Горячие губы накрывают мои. Поцелуй, как взрыв из прошлого. Оглушает. Еще секунду назад я готова была бороться не на жизнь, а насмерть. Сейчас не могу даже пальцем пошевелить. Не то что оттолкнуть.

Воспоминания обрушиваются на меня огромной красочной лавиной. Пылившиеся до этого в самой дальней кладовки подсознания, теперь они обрели свободу. Вырвались из пыльного плена. И загнать их обратно вряд ли получится.

До поцелуя еще были шансы. Я могла просто туда не заглядывать. Как делала все эти годы. Обходить запретную дверь стороной. Но теперь все замки сорваны. Давид их сорвал, прорвавшись бешеным ураганом сквозь плотную защиту моих губ. Подчиняя их почти силой. Подчиняя почти силой меня.

Прихожу в себя не знаю через какое время. Может прошли секунды, а может мы уже минут пять нагло целуемся прямо в коридоре детского отделения больницы. Но главное, что прихожу. Главное, что мозг наконец включается. Хоть и с опозданием.

Толкаюсь в крепкую мужскую грудь. Кажется, будто за эти годы она стала еще шире. Еще накаченнее. Но и не удивительно. Давид всегда рассказывал, что к спорту в их семье особое отношение. А его младший брат даже многократный призер каких-то там соревнований по борьбе. Но подробно я никогда не интересовалась.

Семья Сулеймановых меня раньше не волновала. Их престиж, богатство не трогало мою неискушенную душу. Я всегда свято верила, что мы с Давидом просто поженимся и просто будем счастливы вместе. Независимо от его родственников. Его работы и других обстоятельств.

Я ошиблась.

– Давид! Перестань!

Поднимаю руку и залепляю ему пощечину. Она получается звонкой. А на щеке остается характерный красный след. Но я готова ударить и снова. Если он попробует опять меня поцеловать. Если только попробует ко мне прикоснуться. Если только...

Но Давид словно понимает мою решимость. Делает шаг назад. А на лице опять каменная маска. И только глаза еще дурные. Блестят как звезды в темноте. И так сложно удержаться. Так сложно не скользнуть взглядом по твердым на вид губам. Губам, которые еще недавно так страстно и жадно меня целовали.

– Тест-Днк, Олеся, – бросает, уже уходя, – я жду. Мне нужно знать, чей это ребенок.

– Не твой! – кричу ему вслед.

Но он никак не реагирует. Скрывается за поворотом. А я остаюсь одна. Ежусь от внезапного холода в теплом коридоре больницы. Обнимаю себя за плечи и иду искать доктора. Выясняю, что за палату уже внесли деньги. И понятно кто. Даже спрашивать не надо.

Хочется снять остатки налички со своего счета и швырнуть пачку прямо в лицо Давида. А еще безумно хочется стереть с губ его поцелуй. Но больше всего хочется понять, зачем он так поступил. Зачем, черт возьми, меня поцеловал?!

Глава 11

Ночь провожу в больнице. Благо врач, седой мужчина в годах, разрешает. И даже слишком быстро соглашается пойти на уступки. А мне уже и здесь начинает мерещиться невидимая рука Давида. Похоже я схожу с ума. Мир не без добрых людей. И персонал больницы просто вошел в мое положение. Такое бывает. Не все продаются исключительно за деньги и связи.

Утром долго расспрашиваю врача. Но он лишь улыбается. Отмахивается от всех моих тревог. Говорит, что с маленькими детьми такое случается. Скачок температуры и вуаля. Потеря сознания еще не самое страшное. Ведь могли начаться судороги. Уверяет, что никаких последствий для организма ребенка не будет. И что мы вовремя привезли дочь сюда. В больницу.

– Кто это «мы»? – не могу удержаться от вопроса.

– Вы и отец ребенка.

Даже дар речи на секунду теряю. Откуда у мужчины такие мысли. Неужели Давид... Сердце бешено пускается вскачь. Но даже себе я боюсь признаться, как греет мысль, что Давид готов вот так принять моего ребенка. Только не стоит обольщаться. Ребенка может и готов, но не меня. Да я и сама не согласна. Ведь не согласна же?

– Произошла ошибка. Давид не отец моей дочери.

– Да? – удивляется врач, – а так и не скажешь. Семейное сходство на лицо.

Густо краснею. И так же стремительно бледнею. Если даже этому постороннему человеку так показалось. То, что же... Ладно. Не буду паниковать заранее. Со стороны оно всегда виднее. А сам Давид, возможно, и не обратил на такие мелочи внимание. Подумаешь глаза и ямочка. У миллиона детей это есть. Тоже мне родимое пятно на попе. Мы не в индийском кино.

– Вы ошиблись, – бормочу и поскорее сбегаю.

Возвращаюсь в палату к дочке. Да что ж так не складывается то последнее время? А все Давид виноват. Не встретиться мы вновь. Не увидь он ребенка. И, главное, преспокойно жил без нас все это время. Горькая обида опять затапливает душу. Я так надеялась, что все уже отболело о нем. Но, похоже, мои мучения только начинаются. Ведь своим поцелуем он разбередил едва затянувшуюся рану.

Надо скорее сделать тест-Днк, который конечно же будет отрицательный. Уж я постараюсь. Прочитала в интернете. И даже срок за мошенничество не пугает. Пускай сначала докажут, что не они сами в лаборатории перепутали образцы.

Долго прощаюсь с моей зайкой в палате. Очень не хочется уходить. Но надо. Работа не ждет. А здесь за ней и присмотрят и накормят. На выходе заруливаю на пост дежурной медсестры. Узнаю номер, по которому позвонить можно. Не собираюсь, конечно, каждые пять минут названивать. Но просто самой так будет спокойнее. Заодно свои контакты оставляю.

Выхожу в зябкое солнечное утро. Ежусь на прохладном ветру. Денег на такси нет. Их вообще скоро не будет. Еще одна болезнь и можно брать кредит. Закрываю глаза и поднимаю лицо к небу.

Как же я устала. Устала бороться. Выживать. Выцарапывать кусочек за кусочком этой жизни. Не только для себя, но и для маленькой крохи, полностью от меня зависящей. Как тут не опустить руки. Желание, которое приходит так часто. И лишь маленькая ладошка в моей продолжает держать на плаву.

Делаю шаг вперед, и нога подгибается, напоровшись на камень. Вскрикиваю и зависаю в воздухе. Хотя должна была поздороваться с холодной бетонной плиткой.

– Вот ведь бестолочь, – голос рядом заставляет вздрогнуть, – под ноги смотреть не учили?

Давид тянет меня на себя. И я буквально заваливаюсь. Остаток сил, как по щелчку, тело покидает. А он, окинув меня укоризненным взглядом, подхватывает на руки.

Визжу еще сильнее, чем при неудавшемся падении.

– Пусти! Поставь меня немедленно! Жену свою на руках носить будешь!

Его близость волнует. До сих пор. И я злюсь еще и на это. Я не хочу его вмешательства в мою жизнь. Не хочу, чтобы он носил меня на руках. Даже если ногу внезапно сломаю. Не хочу чувствовать его рядом.

– Я смотрю моя жена тебя очень волнует. Но не переживай. О ней есть кому позаботиться.

Смысл доходит не сразу. А он пользуется моим замешательством. Пересекает двор больницы и направляется к парковке. Сгружает в машину. Пристегивает ремнем, и только тогда я отмираю. А Давид уже заводит мотор. И я не успеваю выскочить, как машина стартует с места.

– Куда ты меня везешь? – лихорадочно по сторонам оглядываюсь.

– К тебе домой.

– Разве ты знаешь, где я живу?

Удивленно поворачиваю к нему голову.

– Узнать это не составило труда. Ты ведь устроилась в фирму моей сестры.

Спокоен и самоуверен, как всегда. Именно это мне в нем и нравилось. Давид всегда знал, чего хочет, и шел к намеченной цели несмотря ни на что. Его фирма поглощала компании. Заключала выгодные контракты. Избегала мошеннических схем. И все это не простое совпадение. Все это благодаря человеку, который всем управлял. Благодаря ему. Он сила. Уверенность. Он моя погибель.

«Как за каменной стеной». Вновь проносится в голове обрывок давнишней мечты. Давид был бы для меня идеальным любимым, любовником, мужем. Он человек, о котором такая как я может только мечтать. Смотреть издали. Но ни в коем случае не трогать.

Ведь одно прикосновение и ты становишься рабом болезни под названием «Давид». Вот я и не буду его трогать. А он не должен трогать меня. Только так я смогу сберечь свой хрупкий мир. Только так смогу уберечь свое сердце, которое один раз уже предали.

Теперь Давид для меня никто! И я не должна краснеть, бледнеть и мямлить в его обществе. Ведь я больше не влюбленная в него дурочка.

– То есть ты рылся в документах, в которые посторонним нельзя совать свой нос.

– А я не посторонний. Я ее брат. Старший.

– Это конечно многое объясняет, – хмыкаю и отворачиваюсь.

Утыкаюсь взглядом в серый немывтый город. Интересно, что Давид здесь забыл? Сюда я приехала еще беременной. Сбежала от прошлого. И точно никак не думала увидеть его вновь. Наша страна такая огромная. Но оказывается мир очень тесен. Еще и к его сестре на работу умудрилась устроиться.

Но тут нет моей вины. Я следовала логике. «Северная Звезда» – относительно молодая фирма. Поэтому шанс попасть в нее гораздо больше, чем в компании с уже сложившейся репутацией. В них без связей и соваться не стоит. Тем более человеку без соответствующего образования. Ведь работать снова секретарем я не хочу. А дизайн...

– О-ле-ся... – вздрагиваю. Завораживающий голос так близко. Стоит голову повернуть и, наверно, уткнувшись прямо в его губы, – мы уже приехали. О чем ты задумалась?

Машина действительно стоит. А я замираю, вжавшись в спинку сидения. Не желая поворачивать головы. Не желая встречаться с холодным блеском стальных, как кинжалы, глаз. Взгляд которых проникает прямо в сердце. А оно, как я заметила, совершенно не излечилось. Как и тело, которое все еще помнит прикосновения сильных рук.

Глава 12

– Спасибо, что подвез. Но больше так не делай, – произношу на одном дыхании.

Дверь дергаю. Но она закрыта. Вот ведь черт!

– Давид, открой! А то я на работу опоздаю.

– Я тебя отвезу.

Он все еще близко. Настолько, что волоски колышутся от его дыхания. Горячего. С ума сводящего. А в голове уже все те ночи, что мы когда-то делили на двоих. И ведь я была счастлива. И разве я не хотела бы вернуть все назад? Вернуть его назад.

Мысленно отвечаю себе пощечину.

– А как смотрит твоя жена на то, что подвозишь в своей машине посторонних девушек? – вопрос задаю скорее для себя.

Чтобы сбросить губительный дурман, уже заволакивающий сознание. Вспомнить, наконец, что рядом со мной не мужчина из моих грез. Из моего прошлого. Рядом со мной предатель.

– Моей жене на это плевать.

Стараюсь не вестись на его равнодушие. Наверняка напускное. Стал бы он жить с женщиной столько лет. Делать ей ребенка. Если ничего к ней не испытывает.

– Какие у вас высокие отношения, – язвлю и снова дверцу дергаю. – Открой! Я правда не хочу на работу опаздывать.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не выпалить, как важна для меня эта работа. Как важны для меня сейчас деньги. Я не собираюсь жаловаться ему на жизнь. Если бы хотела, давно бы потребовала алименты. Но все чего я сейчас хочу, это больше никогда с ним не встречаться.

– Олеся, я сказал, что подвезу. И у тебя есть выбор. Сходить и быстро переодеться. Не собираешься же ты ехать на работу в таком виде? Или... я могу переодеть тебя прямо здесь.

На секунду забываю, как дышать. Но блокировка с двери снимается. Мне и правда дают выбор. Только вот не тот, который я хочу.

– Во что ты меня тут переодевать собираешься?

– Я могу одолжить свои вещи. Привык таскать сменную пару. Жизнь в командировках. Не знаешь, где окажешься завтра.

– Так редко бываешь дома? – срывается с губ.

Зачем спросила? Не хочу ничего знать о его семейной жизни. Его жизнь мне больше не интересна.

– С тех пор как ты меня бросила, я потерял свой дом.

Чувствую, как его горячее дыхание обжигает затылок. А сердце уже напуганный зайчик, что несется, не разбирая дороги. Вот-вот и угодит прямо в колючий кустарник. С острыми шипами. Такими, что прокалывают насквозь.

– Не шути так, пожалуйста...

Ком к горлу подступает. Я не хочу больше впускать его в свою жизнь. Не хочу, чтобы этот безжалостный мужчина снова играл с моим сердцем. Не хочу...

– Никогда не шутил с тобой, Олеся...

Вываливаюсь из машины быстрее, чем он руку успевает протянуть. Быстрее, чем он успевает что-то сделать. Быстрее, чем сдамся и поддамся его искушению. Ведь поддаваться нельзя. Бегу к подъезду, не оглядываясь. Словно за мной несется стая озверелых собак готовых порвать на месте.

Прихожу в себя только в темном подъезде за толстой железной дверью. Здесь нет окон, а лампочка похоже опять перегорела. Про соседей вовсе молчу. Райончик тот еще. Зато жильё недорогое. Главное не ходить поздно по вечерам. Все остальное терпимо.

Поднимаюсь к себе на третий. Прохожу в пустую квартиру, больше напоминающую шкаф. Стараюсь не смотреть на игрушки, разбросанные повсюду. Не думать, как там моя малышка в больнице. Иначе совсем изведусь.

Быстро сбрасываю вещи. Достая из шкафа чистое. Зачем-то останавливаюсь на белье. Рука тянется к кружевному комплекту. Единственному в моем гардеробе. Но я выбираю обычное серое спортивное.

Перед кем собралась наряжаться? Забыла, что он сделал несколько лет назад? Забыла, что он женат на другой? Что ждет ребенка? Неужели один поцелуй. Ничего не значащий поцелуй. Стер всю ту боль и обиду, что копились годами? Неужели я способна пасть так низко?

Хочется дать себе реальную затрещину. Чтобы мозги наконец на место встали. Чтобы голову рядом с Давидом больше не сносило? И сердце не трепетало в груди загнанной птичкой при одном только взгляде в стальную бездну раскосых глаз. Чтобы...

Подрываюсь с места, взглянув на часы. Делаю несколько глубоких вдохов свежего прохладного воздуха, перед тем как снова нырнуть в теплое нутро машины. Но все попытки бессмысленны. Сразу проваливаюсь в такой знакомый до боли аромат.

Ну, почему он не сменил туалетную воду? Хочется застонать от бессилия? Ведь этот аромат пробуждает все те воспоминания, что хочется забыть. От которых хочется бежать не оглядываясь. А они обрушиваются волной.

– Пристегнись.

Давид на меня больше не смотрит. Молча ждет пока я выполню его команду. Заводит мотор. Легко вырывается со двора. Он всегда был прекрасным водителем. Внимательным. Осторожным. Рядом с ним я никогда не боялась даже нестись по трассе, когда однажды мы сбежали на выходные в небольшой домик за городом.

Мысли опять не туда уходят. Приходится их тормозить. А еще не смотреть на крепкие мужские пальцы, сжимающие кожаную оплетку руля. Когда-то они с такой же легкостью сжимали мое тело.

– Ты покраснела? Плохо себя чувствуешь?

Как разглядел? Ведь на меня совсем не смотрит.

– Как я могу себя чувствовать, если моя дочь в больнице?

Тут же жалею, что о ребенке сболтнула. Выражение лица Давида снова не читается. И только крепкие мужские пальцы еще сильнее вжимаются в оплетку. Буквально продавливают ее. До белых костяшек. Невероятно страшно. Невозможно завораживающе. Глаз не могу оторвать.

А в меня уже летит новый вопрос. Да так быстро, что никакой защиты выставить не успеваю. Давид всегда умел захватывать врасплох. Такой тактике он и в бизнесе придерживается. Заставать противника врасплох.

– Как на работе дела? – спрашивает будничным тоном.

И мне хочется ответить глупой шуточкой. «Пока не родила». Но я-то уже.

– Ты можешь просто со мной не разговаривать?

– С чего бы?

– Потому что я так хочу? Этого достаточно?

– Нет.

– Отлично!

К стеклу отворачиваюсь. Но он не унимается. Какое ему вообще дело? Чего прицепился?

– У тебя какие-то проблемы на работе?

Хочется ответить «да». Крикнуть что начальник дурак! Такой же, как и он! Любящий тащить в свою постель сотрудниц. Но я молчать продолжаю. А он бесится. Мое молчание всегда так на Давида действовала. Но раньше я думала, что он меня любит. А теперь понимаю, что просто терпеть не может оставаться в дураках.

– Тебя кто-то там обижает?

Бинго! Ну, как это у него получается? Всегда попадать в цель. Будь то мое сердце или мои проблемы на работе. Он экстрасенс что ли?

– Меня обижал только ты. Но теперь это в прошлом. Еще раз спасибо, что подвез! И пока!

Благо машина уже тормозит. Выскакиваю, хотя мотор еще гудит. Но он успевает ухватить за запястье. Согреть мою озябшую ладошку своей горячей рукой. У меня всегда руки мерзли. А у него они, как печка. И даже это по глупости я расценивала как знак. Как нелепость, будто мы созданы друг для друга. Наивная дура!

– Хочешь сказать, что и я теперь в прошлом? – в глаза заглядывает.

И мне от его взгляда больно невыносимо. В груди прямо жжет. Вот зачем он появился? Зачем снова пришел? Но я все равно набираюсь храбрости и выдыхаю:

– Конечно! Ты мое прошлое, Давид. Я все забыла.

– А целовалась со мной по старой памяти? Какая же ты врушка, Олеся.

Он тянет внутрь. Опять в салон затащить хочет? И даже страшно подумать, что он там со мной сделает. И что я ему позволю.

Глава 13

– Я с тобой не целовалась! Ты меня принудил!

– Отвечать на поцелуй я тебя не принуждал.

Ну как ему объяснить, что одна его близость уже подобна для меня ядовитому дурману. И надо как-то выкарабкиваться. Пока не провалилась на самое дно. Ведь со дна уже нет спасения.

– Давид, эти игры больше не для меня. Как только будет возможность, я сделаю тест-Днк. Ты убедишься, что Аня не твоя дочь. И оставишь нас в покое. Обещай!

Он делает еще один рывок, но я упираюсь ногами. Видимо понимает, что буду сражаться до последнего, и слегка ослабляет хватку. Но не отпускает совсем. А горячие пальцы тем временем начинают гладить запястье. Невинные ничего не значащие касания. Словно перышком кто-то щекочет. Вызывают в моей душе бурю.

– Я ничего обещать не собираюсь, Олеся, – наконец заявляет он, наблюдая своими пристальными глазами за реакциями, что вызывает его жест.

Его поступательные движения, разгоняющие кровь по моим венам. Заставляющие сердце биться быстрее. Заставляя вспоминать, как он вот так же плавно и нежно пронзал и меня насквозь.

– Мне нужно будет отъехать по делам, – наконец словно нехотя произносит, – так что какое-то время мы не сможем видеться.

Вздрагиваю. Словно ото сна пробуждаюсь. Выныриваю со дна глубокого колодца. Руку резко отдергиваю. Не понимаю, что на меня нашло. Или вернее понимаю, да признаваться не хочу. Но это еще страшнее.

– Может тебе лучше вообще сюда не возвращаться! – выплевываю не думая.

Разворачиваюсь и убегаю. Не слушаю, что он кричит мне вслед. Да и кричит ли вообще? Может это всего лишь ветер. Но волнует другое. Почему я все время от него убегаю? Убегала много лет назад. И теперь тоже. Настолько не уверена в себе? В своей силе воле? В своей решимости?

Снова прячусь за дверь. Только уже не стальной и толстой. А обычной пластиковой. Быстро поднимаюсь на нужный этаж. Захожу в офис. Целый день пытаюсь отвлечься работой. А вечером бегу в больницу. Перед этим заскочив в магазин и купив пару шоколадок и немного фруктов.

Дочка летит мне навстречу, едва успеваю переступить порог. Прыгает на шею. Чмокает в щечки и что-то щебечет. Мое маленькое чудо.

– Мама, мама! Смотри какво тигва мне подарили!

Бежит обратно к кровати и стаскивает с нее огромную игрушку. Ростом, наверное, с самого ребенка.

– И кто же тебе его подарил?

Ставлю пакеты на пол и прохожу внутрь. Изо всех сил стараюсь не показывать возникшего внутреннего напряжения. Ведь я прекрасно помню, какого именно зверя обещал моей дочери Давид.

– Тот красивый дядя! Помнишь мы встретили его в коридоре на твоей работе. Его зовут...

– Давид, – произносим мы с ней в унисон.

Хочется побежать на пост медсестры и устроить разнос, почему постороннего пускают в палату. Впрочем, итак, ясно. Ведь деньги решают все. Интересно, какую кругленькую сумму он оставил персоналу.

– Аня, я же говорила по поводу игрушек от посторонних. К тому же...

– Мама! Мама! Но тигв такой клевый! Я уже дала ему имя. Полосатик. Правда ему идет?

На лице дочери столько радости и восторга, что у меня рука не поднимается отобрать ненавистную игрушку и выкинуть в окно.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста, мама!

И вот как отказать больному ребенку? Вздыхаю и притягиваю малышку к себе.

– Хорошо. Но только в этот раз. Ты поняла?

– Поняла! Поняла! – прыгает она от радости и устраивается вместе с тигром обратно на кровать – мама, полосатик тоже будет яблоки. Почисть и на него.

Отлично! Теперь у нас новый член семьи. Спасибо большое, Давид. Я закатываю глаза, уже предвкушая, сколько раз придется стирать этого полосатика

Отправляюсь к раковине, которая находится здесь же в палате, чтобы помыть фрукты. Потом очищаю их от кожуры прихваченным из дома ножиком. И мы с дочкой некоторые время наслаждаемся сладким яблочным вкусом.

– Мам, а ты останешься на ночь? – спрашивает она, когда я иду мыть тарелки.

– Конечно. Если доктор позволит.

– Дядя Давид сказал, что ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь. Он обо всем договорился.

Тарелка выскользывает и со звоном ударяется о стенки раковины. Хорошо, что не бьется. Осколков в палате только не хватало. Мысль о том, что Давид был наедине с моей дочкой, неприятно грызет изнутри. Может все-таки пойти и закатить скандал. Но тогда уж точно не получится договориться и переночевать вместе. Поэтому проглатываю обиду и доделываю дела. Самочувствие дочери важнее, чем моя неприязнь к мужчине.

Завтра нужно будет узнать о выписке. И хотя Давид скорее всего уехал из города. Видимо вернулся к своей жене. Командировка закончилась. Пора и домой. Все равно быть в месте, пропитанном его влиянием, не хочется.

На следующее утро я улаживаю все формальности и забираю дочку с собой. Благо наступают выходные. И можно пару дней посидеть дома. Заказать доставку продуктов. И ни о чем не беспокоиться. На следующей неделе будет аванс, и это тоже греет душу. Деньги сейчас как нельзя кстати. Хоть и такие небольшие.

Жаль, конечно, отрывать от сердца несколько тысяч на тест. Но лучше покончить с этим сразу. Несмотря на странное заявление Давида. Его нежелание что-либо мне обещать. Уверена, как только он увидит отрицательный результат, тут же успокоится. Кому охота, брать на себя обязательства по чужому ребенку? Тем более если свой родной на подходе.

Если, конечно, он вообще вернется...

– Ай!

– Мама, у тебя кровь! – подскакивает дочь с дивана, на котором спокойно смотрела мультики.

– Ничего страшного. Просто порезалась немного.

Пихаю палец под струю ледяной воды. Но даже эта физическая боль не способна заглушить ту душевную. Непонятно откуда взявшуюся. Мешающую сосредоточиться на главном.

Заматываю палец пластырем и доделываю дела. Потом сграбастываю дочь и мы с ней вместе усаживаемся обратно на диван. Долго смотрим «Мальшариков». Несколько раз я даже подпеваю незатейливым песенкам. У кого-то больше, у кого-то меньше... И тигр, конечно же, рядом. Дочь с ним вообще не расстается. Спать с собой укладывает. Будто у нее раньше игрушек никогда не было. А ведь я покупала. Конечно, не таких больших. Подобная игрушка для нас непозволительная роскошь. Сколько вообще она стоит? И о чем думал Давид, когда ее дарил? Хотел потешить свое самолюбие?

Красивый. Дорогой. И очень мягкий. Провожу рукой по блестящей шубке. Качество так и прет из каждого потайного стежка. Сама бы, если честно, от такого не отказалась. Наверно удобно спать с ним в обнимку. Закинуть ногу...

– Мама! Это мой полосатик!

Дочка тянет игрушка на себя, а я выпускаю. Как она у меня в руках оказалась? Я же только потрогать хотела. И почему теперь ее обнимаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.